

Научно-исследовательская статья

УДК 740+993+433

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.45.1.7

ВЕДОВСТВО И ОБРАЗ ВЕДЬМЫ В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ И РУСИ

М. С. Володарский

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

mihailvolodarsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1646-6123>

С. Б. Кожевников

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

KozhevnikovSB@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-222>

Аннотация. В статье проводится сопоставительный анализ понятий «ведовство» и «ведьма» в контексте средневековой истории стран Западной и Восточной Европы. Особое внимание в тексте уделяется анализу терминологического аппарата неоплатоников, а также текстам Корнелия Агриппы Неттесгеймского и Джероламо Кардано, считавших языческий мистицизм более наивным и безгрешным, по сравнению с западным. Авторы статьи приводят материал, свидетельствующий о том, что на Руси более широкое распространение получили образы знахарей, чем ведьм и колдунов. Этим во многом определяется национальный код русской средневековой культуры. Предрасположенность к мистике на Руси имела преимущественно маскулинный характер, отсюда более терпимое отношение к образу знахаря. Образ колдуньи, напротив, ассоциировался с темными силами и вызывал настороженность. Вместе с тем оба этих образа были связаны с обыденной жизнью, включали элементы христианства, язычества и оккультизма. В статье подчеркивается, что в средневековой Руси не было опыта глубокого знакомства с алхимией и астрологией. Согласно выводам авторов, Восточная Европа избежала охоты на ведьм во много благодаря тому, что там не были известны тексты Святого Августина и Фомы Аквинского. Особое внимание авторы уделяют обсуждению терминологии и семантики магии и колдовства. Согласно историческим данным, на Руси не существовало эквивалента схоластического богословско-правового обсуждения демонологии или типизации магии и гадания. Поэтому уникальное сочетание верований, ритуальных практик и предметов культа сформировали в русской культуре самобытную народную национально-религиозную традицию.

Ключевые слова: колдовство, ведьма, знахарство, мистицизм, охота на ведьм

Для цитирования: Володарский М. С., Кожевников С. Б. Ведовство и образ ведьмы в культуре средневековой Европы и Руси // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 1 (45). С. 89–100. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.45.1.7

Research article

UDC 740+993+433

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.45.1.7

**WITCHCRAFT AND THE IMAGE OF A WITCH
IN CULTURE MEDIEVAL EUROPE AND RUSSIA****Mikhail S. Volodarsky**

Moscow City University,

Moscow, Russia,

mihailvolodarsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1646-6123>**Sergey B. Kozhevnikov**

Moscow City University,

Moscow, Russia,

KozhevnikovSB@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-2229>

Abstract. The article provides a comparative analysis of the concepts of “witchcraft” and “witch” in the context of the medieval history of Western and Eastern Europe. Special attention in the text is paid to the analysis of the terminological apparatus of the Neoplatonists, as well as the texts of Cornelius Agrippa of Nettesheim and Gerolamo Cardano, who considered pagan mysticism more naive and sinless than Western. The authors of the article cite material indicating that images of healers have become more widespread in Russia than witches and sorcerers. This largely determines the national code of Russian medieval culture. The predisposition in mysticism in Russia had a predominantly masculine character. Hence — a more tolerant attitude to the image of a healer. The image of a sorceress, on the contrary, was associated with dark forces and caused alertness. At the same time, both of these images were connected with everyday life, included elements of Christianity, paganism and occultism. The article emphasizes that in medieval Russia there was no experience of deep acquaintance with alchemy and astrology. According to the authors’ conclusions, Eastern Europe escaped the witch hunt largely due to the fact that the texts of St. Augustine and Thomas Aquinas were not known there. The authors pay special attention to the discussion of terminology and semantics of magic and witchcraft. According to historical data, there was no equivalent of scholastic theological-legal discussion of demonology or typification of magic and divination in Russia. Therefore, a unique combination of beliefs, ritual practices and objects of worship formed an original national and religious tradition in Russian culture.

Keywords: witch, witchcraft, mysticism, witch hunt

For citation: Volodarsky, M. S., & Kozhevnikov, S. B. (2023). Witchcraft and the image of a witch in culture medieval Europe and Russia. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1(45), 89–100. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.45.1.7>

В научных исследованиях довольно часто встречается мнение о том, что феномен охоты на ведьм географически был сконцентрирован только на Западе, а православный уголок христианства данной тенденцией затронут не был. Подобных суждений придерживается медиовист Норман Кон [Cohn, 1975]. В целом Средневековье определяется неким

синтезом между язычеством и христианством, с которым боролись не только католические, но и православные церкви. Менялись только символы: так, вместо деревянных идолов появились деревянные иконы, которые обладали схожей оберегающей функцией. Некоторые из языческих мифов, подобно языческим богам и обрядам, рано проникли в христианскую систему и нашли пристанище в его лакунах. Святой Августин сделал многое, чтобы сохранить их. Но, вообще, Церковь, как цивилизатор народов презирала эти мифологемы. Итак, в VIII веке Святой Бонифаций прямо заявляет, что верить в ведьм и оборотней — это не по-христиански. В том же столетии Карл Великий издал указ, что смертная казнь будет принята для всех, кто помыслит сжигать предполагаемых ведьм. Такое сожжение, по его словам, было языческим обычаем. В следующем столетии епископ Лиона утверждает, что ведьмы могли создавать плохую погоду и что все увиденное было галлюцинациями, а тот, кто верит в них, «вне всякого сомнения, неверный и язычник». Это утверждение было принято в каноническом праве и стало известно как *canon episcopi*, или *caritulum episcopi*. Оно оставалось официальной доктриной Церкви. В XI веке венгерский король Кальман отказался замечать ведьм, поскольку их не существует, а в XII веке Иоанн Солсберийский отверг идею шабаша ведьм, как «сказочный сон».

В последующие столетия, когда возникнет это безумие, все эти доктрины будут обращены вспять. Законы Карла Великого и Кальмана будут забыты, и это означает, что отрицать ведьм — это официально принадлежать к еретикам. Когда герцог австрийский, Сигизмунд, узнал о новых доктринах, которые должны были быть искоренены из его тирольских земель, он посоветовался с ученым гражданским адвокатом, доктором Падуи, чтобы дать ему совет, а адвокат Ульрих Мюллер ответил трактатом, в котором утверждал, что хотя и существуют ведьмы, которые прислушиваются к внушениям дьявола, а потому заслуживают смерти, но тем не менее эти ведьмы не обладают ни одной из сил, на которые они претендуют, но являются жертвами отчаяния, нищеты или деревенской ненависти. Такое мнение широко распространялось. Юристы вроде Андреа Альциати и Джанфранческо Понцинибио, философы вроде Корнелия Агриппы Неттесгеймского и Джироламо Кардано, а также медики вроде Антонио Феррари — все сходились во мнении, что силы, на которые претендуют ведьмы или которые им приписывают, в значительной степени иллюзорны. Это были галлюцинации меланхоличных, полуголодных людей. Они должны были быть истолкованы мирской наукой — наукой медицины и права, а не теологией, и их истинным лекарством был не огонь, а мороз — классическое лекарство от простого человеческого безумия в Средневековье. Такую точку зрения уже высказывал за два столетия до этого знаменитый средневековый врач Падуанского университета, Петр из Абано, которого широко цитировали все враги колдовства.

Научная революция XVI и XVII веков, по общему мнению, была больше обязана новому платонизму эпохи Возрождения, а также выросшему из него

герметическому мистицизму, чем рационализму в современном смысле этого слова. Природа, по мнению неоплатоников, может быть наполнена демонами и магическими силами, действующими через симпатии и антипатии. Неслучайно Агриппа, Кардано и Парацельс были против озлобленности на мистические проявления того времени, однако, как те, кто нападал на платоновскую философию, герметические идеи и медицину Парацельса, часто были самыми стойкими защитниками того же заблуждения. К концу Средних веков этот переворот будет завершён. К 1490 году, после двух столетий исследований, новая позитивная доктрина колдовства будет установлена в своей окончательной форме. С этого момента все сводится к тому, чтобы применить эту систему: искать, находить и уничтожать ведьм — и определить относительное количество пострадавших из-за буллы Иннокентия VII просто не представляется возможным. В пример можно привести город Оснабрюк, в котором, по официальным данным, было уничтожено более 310 человек.

Из найденных материалов по данной теме в пример можно привести заявление тюремного смотрителя 1546 года, который утверждал, что все камеры переполнены колдуньями и палач просто не в силах справиться со столь тягостной работой. По данным А. Штебера, в 1620 году было сожжено более 800 человек, в России же данные цифры не были столь значительны. Стоит отметить, что отношение к ведьмам на Руси довольно сильно отличалось от западного мировоззрения. В целом, сравнивая источники и тексты, можно предположить, что ведуны, ведьмы и знахари состояли в довольно дружеских отношениях с жителями деревень. Почти в каждом селенье был свой проводник в иные миры, который зачастую был незаменим во многих обрядах или в решении проблем, с которыми сталкивались крестьяне, и языческий мистицизм воспринимался скорее как чистый и безгрешный. Так, например, многие ведуны были приглашены на свадебные процессии, для того чтобы защитить их от нечистых сил; они изготавливали отвары для страждущих и в целом были необходимы в самые сложные для горожан времена, например в периоды засухи и голода ведьма или ведун пытались взять на себя роль шамана, вызывающего дождь, или вопрошали о плодородии земель. Конечно, встречались и случаи, когда подобные явления воспринимались как наказания, которые были нанесены теми же ведьмами и ведунами, за что им иногда приходилось платить своей жизнью: так, например, стоит упомянуть эксцесс, произошедший в Ростове в 1071 году, когда несколько женщин были преданы смерти в связи с голодом.

Связь между стихийными бедствиями и периодической охотой на ведьм в средневековой Московии еще более ярко проявилась в необычной проповеди Серапиона, епископа Владимира XIII века. В то время, когда Россию опустошал голод, продолжавшийся с 1271 по 1274 год, Серапион упрекал своих соотечественников за их затаенное язычество, особенно за веру в колдовство. Он также осуждал их за неофициальные судебные процессы и многочисленные казни женщин, обвиняемых в причинении засухи посредством колдовства. Однако в целом таких людей воспринимали как избранных Богом, и имеющих связь

с Всеведущим, а враждебный характер по отношению к ведьмам можно считать скорее результатом более поздних времен. Стоит отметить, что слово «знахарка», которое изначально приравнивалось к понятию «ведьма», со временем имело более положительный окрас, а понятие «ведьма» же, наоборот, приобретало бесовский, демонизированный оттенок. Также стоит обратить внимание и на то, что не все случаи, связанные с лишением жизни с помощью колдовства, были очевидны. В некоторых ситуациях грань между вредоносным колдовством и народной медициной размыта. Народ в целом верил, что некие таинственные силы природы могут быть использованы для лечения болезней только несколькими мудрыми людьми, к которым они могут обратиться в случае медицинской необходимости.

Многие зарубежные ученые задавались вопросом, отчего на Руси карали больше мужчин, чем женщин, однако здесь можно предположить, что доверия к знахарям было гораздо больше, чем к приходским священникам, о чем пишут многие прихожане или же, к примеру, Владимирский епископ Серапион, отметивший, что «паства его больше верит волхвам и знахарям, чем священникам, ставя дела мирские выше дел божеских». Именно знахаря, а не ведьму приглашали на омовение новорожденного или на свадебную процессию, так как он имел совершенно иную, положительную коннотацию, а значит, на Руси все же была иерархия мистической культуры, что может наводить на мысль о делении магии на светлую и темную. Лишь изредка женщин-ведуний просили принять роды, однако данные примеры скорее были исключением, чем закономерностью, что еще раз подтверждает нашу теорию о некой градации и различии между мужчинами и женщинами, занимавшимися ведовством, а последние, в свою очередь, имели гораздо больше схожих черт с Западом, особенно на территориях Белоруссии и Украины. Возможно, данная концепция связана с польским покровительством и поэтому данная местность отчасти была подвержена германскому влиянию. Так, сохранились тексты, в которых сообщалось о том, что многие ведьмы использовали мази, отвары, благодаря которым они взлетали, чтобы провести шабаш на лысой горе под Киевом. Помимо этого, в пример можно привести текст Г. Даля, в котором он сообщает, что одна женщина обвиняла свою соседку в том, что она ворует у нее росу с участка. После незатяжного процесса женщина была сожжена. В целом непонятно, откуда появлялись некие обряды, например такие как заломы пшеницы или доение коровы, которые ранее не были использованы. Возможно, эти ритуалы как раз и перекочевали через вышеназванную западноевропейскую тропу.

Обращаясь к статье Рассела Згуты [Zguta, 1977, p. 1187–1207], можно увидеть его предположение о том, что более ранние ссылки на то, что может быть истолковано понятием «ведьма», охватывает довольно широкий спектр оккультных практик, включая магию, заклинания, гадание, толкование снов, погодные манипуляции и лекарственные травы. Вред, который могла нанести ведьма, на Западе называли *malafesium*. Русский эквивалент данного термина — «порча», что в целом не меняет общего положения дел. Ситуация на Руси

по отношению к данной проблеме была разношерстной, а охота на ведьм однозначно присутствовала. Возможно, недочеты ученых связаны с языковым барьером, а также с относительно неточным, по мнению автора, пониманием смысла некоторых понятий, например таких как «порча» или же «знахарь», которые нередко трактуются ошибочно, соотнося их с понятием «ведьма».

Изучая отечественных ученых, занимающихся данной проблемой, довольно трудно было найти отличные от предшественников мнения, в которых во многом ссылаются на Николая Новомбергского [Новомбергский, 1904], считавшего, что колдовские процессы на Руси носили идентичный Западу накал. Историк совершенно случайно обнаружил документы, связанные с данной темой, так как объектом исследования его основных поисков все же являлась допетровская медицина. Хронологически они охватывают период с 1622 по 1700 год и, таким образом, совпадают с уходящими днями увлечения ведьмами на Западе, что, с одной стороны, довольно символично, а с другой — неполно, что мы докажем ниже.

Стоит отметить, что в данных процессах так же принимали участие правительственные органы власти, как и, соответственно, в протестантских и католических странах. Нужно взять во внимание и отсутствие централизации подобных процессов на Руси. Географически российские судебные процессы, для которых сохранились записи, не были ограничены каким-либо одним местом. Судебные процессы были замечены в Белгороде, Ефремове, Костроме, Воронеже, Лухе, Нижнем Новгороде, Муроме, Можайске, Ярославле, Вологде, а также в менее крупных городах. Они тем не менее представляют собой настоящую золотую жилу для изучающих московскую историю, этнографию, уголовное право и медицину. Стоит отметить, что с юридической точки зрения судебные протоколы особенно показательны, поскольку они отражают весь спектр московского уголовного процесса XVII века. Как и на Западе, некоторые судебные процессы были инициированы местными властями, которые использовали инквизиторский метод процедуры. В соответствии с инквизиционным процессом местные должностные лица могли инициировать судебное разбирательство без личного заявления или обвинения одним из двух способов: по задержанию преступника с поличным, по ходатайству следствия, которое определяло репутацию обвиняемого.

В рассматриваемых здесь случаях власть использовала задержание с поличным (или обладание изобличающими доказательствами, такими как: ведьмовские травы, ростки, зелья или письменные заклинания) и заключение для возбуждения колдовских процессов по инквизиторским процедурам. С одной стороны, в источниках довольно часто можно встретить такие слова, как «ведьма» или «чернокнижник»; в отличие от Западной Европы данная профессия имела множество синонимов и в целом совершенно разные значения. Однако никто в России не разработал такой соответствующей терминологии, как, например, «схоластика». Каноническое право было фрагментарным и в Москве, по крайней мере не было коллегий, в которых можно было бы вести

богословские дебаты, связанные с ведьмами. Также, судя по изученным источникам, кроме отдельных исключений, в средневековой Руси не было ничего, кроме отдаленного понимания астрологии или алхимии, никакой «ученой» магии, а также научного обсуждения законных и незаконных практик и никакого способа терминологически различать магию, колдовство и знахарство, как их иногда определяют в научной литературе зарубежные ученые, если эти понятия вообще можно разделить, так как в Средневековье довольно затруднительно разметить грань между данными терминами. Ведь знахарство в те времена подразумевало также и колдовство при помощи трав, и подобная «магия» не всегда считалась «белой», однако же в изученных источниках не было обнаружено понятия белого и черного колдовства, а оттенок злого и доброго в отечественной магии присутствует. Кроме того, утверждать однозначно ничего невозможно, так как социальная психология почти неуловима, и мы лишь пытаемся осознать классовые несостыковки и проблемы позднефеодальной группы, благодаря чему сформировались определенные настроения, например такие как нетерпимость к господам и неверие священникам, что порождало ненависть к злым, бесовским силам. Однако Хью Тревор-Роупер [Watson, 2013, p. 163], один из инициаторов нынешнего исторического интереса к ведьмовским испытаниям, утверждал, что православная Восточная Европа избежала худших эксцессов ведьмовского помешательства, потому что она не читала Августина и Фому Аквинского. Правда, что эти два великих интеллектуальных святых, столь влиятельных в теологии и философии Запада, были фактически неизвестны в Восточной Европе и в целом данное суждение справедливо.

В дополнение к разгадке глубинной закономерности, которая характеризовала эти самые ранние зафиксированные случаи охоты на ведьм в Московии, проповедь Серапиона содержит еще два значимых фрагмента: сожжение было обычным наказанием за колдовство и, возможно, даже более значительным стандартным методом установления вины или невиновности, в случаях предполагаемого колдовства было испытание *judicium frigidae*. Подобные практики, столь тесно связанные с охотой на ведьм в Европе XVI–XVII веков, находят дальнейшее подтверждение в зарубежных и отечественных средневековых источниках. В пример можно привести Абу Хамида аль-Гарнати, арабского путешественника-купца, посетившего Киев в 1153 году: он оставил сообщение о своей поездке и рассказал о сожжении нескольких ведьм, которых он видел воочию: «Каждые двадцать старух этой страны становятся виновными в колдовстве, которое вызывает большое беспокойство в народе. Затем они хватают всех женщин, которых они находят, и забивая их, связанными вместе скидывают в большую реку. Тех, кто остается на плаву, считают ведьмами и сжигают; тех, кто, наоборот, тонет, объявляют невиновными во всех колдовских делах и снова отпускают на свободу». Помимо этого, в доказательство существования гонений на ведьм в пример можно привести Новгородскую и Псковскую летописи, в которых фиксируют многочисленные их сожжения. В Новгороде, в 1227 году были сожжены четыре ведьмы, а в 1411 году в Пскове —

12 женщин, хотя летописец не дал никакого объяснения этому массовому аутодафе, но мы знаем из других источников, которые утверждают, что серьезная чума опустошила многие районы Московии, в том числе и Псков, с 1410 по 1420 год. Это естественное бедствие могло бы объяснить подобные сожжения ведьм. Возможно, что казни были также прямым ответом на письмо митрополита Фотия от 1410 года, призывавшего новгородцев и окрестных жителей избавиться от всех остатков язычества, включая колдовство.

Сожжение на костре продолжало быть одним из наказаний, предписанных для расправы с ведьмами. Однако дальше на Запад, среди украинцев бывших киевских земель, женщин, обвиняемых в колдовстве, регулярно проверяли «водяной процедурой». Эти практики были популярными, внеправовыми ответами на магические обряды в Киевской и Московской Руси.

Юридически колдовство очень рано перешло под юрисдикцию церкви. В первом издании Церковного устава Владимира Великого, датированном второй половиной XI века, перечислялись преступления, подлежащие судебному разбирательству в церковных судах. Среди них были колдовство и использование заклинаний, талисманов и зелий. В то время как Владимирский устав определял сферу юрисдикции церковных судов, византийский «Номоканон», по мнению большинства ученых, служил действующим правовым кодексом, регулирующим некоторые аспекты гражданского, уголовного, а также канонического права. «Номоканон» предписывал смерть от меча в наказание за колдовство. Если мы рассмотрим все эти факты и заметим, что подъем и упадок европейского помешательства на ведьмах в целом соответствует подъему и упадку судебных пыток в Европе, мы легко можем заключить, что эти два процесса взаимосвязаны: темные века не знали мании ведьм, потому что им не хватало судебных пыток и упадок и исчезновение верований ведьм объясняется дискредитацией и постепенной отменой пыток. Многие детали обвинений были типичны для русской народной магии и верований о колдовстве: предполагаемых ведьм обвиняли в том, что они кричали как дикие звери, обладали травами и кореньями, ставили крест под пятку, посылали заклинания по ветру. Однако В. Кивельсон [Кивельсон, 2012, с. 142] оспаривает утверждение Р. Згуты о том, что колдовские суды были намного меньше по масштабу, чем в Западной Европе, и считает, что более масштабные архивные исследования дадут больше доказательств, чем смог собрать вышеназванный Новомбергский. В. Кивельсон также ставит под сомнение утверждение Р. Згуты о том, что демоническая магия была неизвестна, но тем не менее утверждает, что шабаши и ночные полеты не были частью верований русского колдовства и что ереси было мало, а порча в данном случае не имела демонического элемента. Во многом, по мнению ученого, это связано с государственным аппаратом и старообрядческим расколом, который начался в 1640-х годах, как способствовавшие изменению отношения к колдовству в России. В. Кивельсон пытается в конце своей работы проанализировать соотношение мужчин и женщин в обвинениях в колдовстве, при этом используя

некоторые довольно расплывчатые и необидительные социологические наблюдения о предполагаемых различиях в структуре; однако, как мы сообщали ранее, данные суждения, по мнению автора, ошибочны. Кроме того, были замечены суждения нескольких ученых, которые сравнивали данную тенденцию между преследованием евреев и охотой на ведьм, которая достигла своего апогея в разных местах одновременно, а давление на вышеприведенные группы было социальным. Поначалу и те и другие преследуются спорадически, без особого повода. Иудеи, как и ведьмы, находятся вне Божественного покровительства, по мнению католической и православной церкви. Во многом ведьму преследуют просто за то, что она ведьма, еврея также преследовали за то, что он еврей.

Если всеобщей концентрацией зла во времена Черной смерти в Ингерманландии был еврей, то в религиозных войнах это место занимает ведьма. Пьер де Ланкр [de Lancre, 2006, p. 92] писал: «Своей грязью и зловонием, своими субботами и синагогами настолько отвратительны Богу, что он не только отнял у них Свою благодать и свое обещание, но и обрек их ползать по миру подобно бедным змеям, лишенным всякого рода должностей, достоинства или общественного занятия. Евреи обычно являются великими магами: они превращаются в Волков ночью; они никогда не могут быть обращены в добрых христиан. Другими словами, они ведут себя как ведьмы».

Данная тенденция во многом связана и с непривычными для христианства обрядами, которыми пользовались и те и другие; и, кроме того, не всегда легко предположить, какие практики и верования имеют долгую местную историю, а какие импортируются из других областей. Как ни странно, в письменных источниках многочисленные термины для обозначения ведьмы, которые иногда встречаются, вполне могут быть не более чем редупликацией. Так, например, слово «зелье», связанное со словом «зеленый», издревле имело значения «зеленое растение», «волшебная трава», «волшебное зелье» или «яд».

При обсуждении терминологии и семантики магии и колдовства следует также иметь в виду, что в России не существовало эквивалента схоластического богословско-правового обсуждения демонологии или типов магии и гадания, а также их связь с ересью, как это было на Западе, в частности в пособиях для инквизиторов.

Среди восточных славян существует относительно мало магических верований, практик или артефактов, которые не могут быть показаны как западные аналоги, например германские, взятые из того же древнего Средиземноморья и Ближнего Востока. Остальные, менее распространенные аналоги в основном были финские и, конечно, местные верования, которые рьяно пытались разрушить церковники. Здесь есть два важных момента, на которые стоит обратить внимание. Существует не так много случаев, когда людей просто обвиняли в том, что они ведьмы или маги: чаще всего магические практики упоминаются как часть более широких доказательств правонарушений или общественных беспорядков и многие из этих случаев, вообще, вряд ли можно

назвать колдовскими процессами. Второй момент заключается в том, что там, где вещественно доказывали владения травами, корнями или другими веществами, используемыми вместе с магическими заклинаниями, предполагалась безоговорочная смертная казнь. Свидетельства, найденные в исследуемых фольклорных и этнографических источниках, говорят о том, что все признавали, что порча была связана с нечистой силой, которая имеет множество граней: от дьявола до демонических фольклорных сил из народной мифологии. Соотношение обоих гонений на ведьм связаны с тем, что эти процессы не проходили без подготовки: ведьмы уже давно подвергались спорадическим преследованиям в России. Эти гонения вкупе с ведьмовской паранойей, периодически овладевавшей Московским двором, очевидно, заложили основу для судебных процессов XVII века.

Ряд ученых обратились к вопросу о том, что сделало возможным помешательство на ведьмах на Западе. До сих пор никто не смог убедительно решить проблему причинности, следуя антропологической школе. Алан Макфарлейн [Macfarlane, 1970, p. 264] убедительно доказывал, что периоды социального стресса часто сопровождались ростом подозрений в отношении ведьм и колдовства. Это имеет особое значение применительно к средневековой России, где, как мы видели, существовала тесная связь между стихийными бедствиями (засуха, голод, чума) и распространенностью преследований за колдовство. Наиболее ярко это преследование проявилось в плавательном испытании, которое использовалось для выслеживания ведьм в засушливых районах еще в середине XII века. Таким образом, Россия находится на пути к технике и развитию традиции охоты на ведьм довольно рано в своей истории. Хью Тревор-Роупер предположил, что давление на гонения на Западе исходило не от церкви или правительства, а от тех, кто находился на низком социальном уровне и нуждался в изгоях. Власть и народ твердо верили в то, что некоторые люди способны нанести *maleficium*, ничего не подозревающим жертвам. Это убеждение получило детальную и юридическую санкцию в местных и провинциальных судах, которые применяли пытки и поощряли ложные обвинения (что в конечном итоге приводило к раскрытию цепочки сообщников).

Некоторые ученые, в том числе и Новомбергский, пытались сравнить российские суды с западными в их жестоком и бесчеловечном обращении с подозреваемыми ведьмами. Только масштаб, с которым проводились западные испытания, утверждают они, отличает их от Восточной Европы. Но это суждение слишком сурово. Не только сравнительно небольшое число жертв было предано суду и сожжено, но и преследования ведьм в России XVII века продемонстрировали, что чувство меры и сдержанности в значительной степени отсутствовало на Западе. Таким образом, количественное различие можно перевести и в качественное. То, что носит ярлык «ведьмовское увлечение» на Западе, можно было бы более точно назвать только ведьминым страхом в Московии.

В конце стоит отметить, что охота на ведьм во многом подавляла фольклорную и языческую память, навязывая мысль о том, что прошлые предпочтения и их символы приносят лишь зло и смерть, и в целом данную тенденцию можно определить скорее как борьбу против народной культуры, в которой методы и особенности двух сравниваемых течений весьма схожи.

Список источников

1. Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
2. Новомбергский Н. Я. Народная медицина в Московском государстве. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1904. 32 с.
3. Cohn N. Europe's inner demons: an enquiry inspired by the great witch-hunt // *Basic Books*. 1975. Vol. 336. 302 p.
4. de Lancre P. On the Inconstancy of Witches // *ACMRS*. 2006. Vol. 650. 586 p.
5. Macfarlane A. Witchcraft in Tudor and Stuart England // *Routledge*. 1999. Vol. 337. 334 p.
6. Watson G. Heresies and Heretics: Memories of the Twentieth Century // *Lutterworth Press*. 2013. Vol. 198. 200 p.
7. Zguta R. *The American Historical Review* // *Oxford University Press*. 1977. Vol. 82. № 5. P. 1393–1458. DOI: <https://doi.org/10.2307/1856344>

References

1. Kivelson, V. (2012). *Cartography of the Kingdom: Land and Its Meanings in Russia in the 17th Century*. Moscow: New Literary Review. 360 p. (In Russian).
2. Novombergsky, N. Ya. (1904). *Folk medicine in the Moscow state*. St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Internal Affairs. 32 p. (In Russian).
3. Cohn, N. (1975). Europe's inner demons: an enquiry inspired by the great witch-hunt. *Basic Books*, 336. 302 p.
4. de Lancre, P. (2006). On the Inconstancy of Witches. *ACMRS*, 650. 586 p.
5. Macfarlane, A. (1999). Witchcraft in Tudor and Stuart England. *Routledge*, 337. 334 p.
6. Watson, G. (2013). Heresies and Heretics: Memories of the Twentieth Century. *Lutterworth Press*, 198. 200 p.
7. Zguta, R. (1977). *The American Historical Review*. *Oxford University Press*, 82(5), 1393–1458. <https://doi.org/10.2307/1856344>

Информация об авторах / Information about the authors:

Володарский Михаил Сергеевич — аспирант общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия,

Volodarsky Mihail Sergeevich — postgraduate student of the University-wide Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University, Moscow, Russia,

mihailvolodarsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1646-6123>

Кожевников Сергей Борисович — доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия,

Kozhevnikov Sergey Borisovich — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University, Moscow, Russia,

KozhevnikovSB@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-2229>

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.